

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ ♦ SCIENTIFIC REPORTS

Раздел 1

ГЕОГРАФИЯ И ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ

Section 1 GEOGRAPHY AND ENVIRONMENTAL MANAGEMENT

УДК 913; 332.1

**РОССИЙСКО-КАЗАХСТАНСКОЕ ПРИГРАНИЧЬЕ:
ВОЗМОЖНОСТИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ
И ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ
ТРАНСГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ**

Е.Г. Водичев

*Институт нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН, Новосибирск
Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск
Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск
E-mail: vodicheveg@ipgg.sbras.ru*

Статья посвящена методологическим проблемам исследования приграничных и трансграничных территорий. Сформулированы представления о типологии российско-казахстанского приграничья, показаны ключевые факторы и условия трансформации приграничья в совокупность трансграничных регионов. Особое внимание уделено проблеме трансграничных институтов как драйверов регионального развития.

Ключевые слова: российско-казахстанское приграничие, трансграничные территории, трансграничные регионы, трансграничные институты.

Дата поступления 29.01.2018

Постановка проблемы. В последние годы в силу происходящих геополитических изменений акценты в российской «политической географии» резко сместились на восток, что должно привести к увеличению масштабов сотрудничества России с азиатскими соседями, в т.ч. и с Казахстаном. Значительный объем такого взаимодействия может и должен осуществляться на межрегиональном уровне в рамках трансграничных территорий, тем более что для этого во многих случаях имеется основа в виде единых, внутренне цельных природных комплексов и исторически сложившихся связей и отношений. Совокупность политических предпосылок, создание вначале Таможенного, а затем

Евразийского экономического союза также актуализируют проблему трансграничного сотрудничества России и Казахстана.

Вопрос о взаимодействии приграничных территорий двух стран имеет важнейшее значение для перспектив их экономического и социокультурного развития и безотносительно от политической конъюнктуры. Российско-казахстанское приграничие уникально. Один из основных признаков, определяющих его особый характер – географический. Как известно, российско-казахстанская сухопутная граница является наиболее протяженной в мире – более 7 тыс. км. К ней примыкают 12 российских регионов и 7 из 14 областей Казахстана.

Часть приграничных территорий России и Казахстана входит в состав уникального региона – Большого Алтая – трансграничной территории, в основе которой лежит принадлежность к единой геосистеме, обладающей ярко выраженной многозвенной трансграничной спецификой [1].

Другой фактор, крайне значимый для понимания процессов трансграничных взаимодействий – исторический. Территории современных России и Казахстана на протяжении столетий развивались в рамках одного государства – вначале Российской Империи, а затем Советского Союза. Это определило близость не только культурных архетипов, но и повлияло на экономический профиль приграничных территорий. Наконец, важнейшим обстоятельством является этнодемографический фактор и социокультурные детерминанты, поскольку для приграничных территорий двух стран характерен смешанный состав населения, широкое распространение русского языка как средства межнационального общения, историческая память о совместном прошлом и т. д.

Ключевой вопрос, относящийся к пониманию проблемы, поставленной в данной статье, имеет два аспекта. Первый из них – чем, собственно, являются сопредельные территории России и Казахстана – приграничными территориями, приграничными регионами, трансграничными территориями или трансграничными регионами? И второй – в какой мере приграничное и трансграничное сотрудничество может рассматриваться в качестве драйвера развития трансграничных территорий, и насколько значительна роль институтов в данном процессе?

Дискуссионные категории при исследовании проблем трансграничья. Даже в рамках одной дисциплины – географии – подходы к анализу трансграничья определяются методологическими позициями экспертов, по-разному понимающих содержание базовых ис-

следовательских категорий. Определенным компромиссом стало введение понятия «приграничное пространство», которое с географической точки зрения характеризуется тремя основными величинами: протяженностью, шириной и интенсивностью приграничных процессов и явлений. Однако остается проблема критериев выделения таких параметров, которую, вряд ли, можно признать решенной [2].

Несмотря на то, что по общеизвестному определению, пространство относится к числу фундаментальных категорий географии как «форма существования географических объектов и явлений в пределах географической оболочки» [3, с. 56], в настоящее время в этот термин может включаться различное функциональное содержание. Во многих случаях, например, возникает конфликт между политико-административным, экономическим и физико-географическим подходами к районированию приграничных территорий.

Не затрагивая детали дискуссий, тем более что мы уже имели возможность высказать свою точку зрения на этот счет [4], отметим что, на наш взгляд, при выделении приграничных регионов критериальная сетка должна включать в себя параметры, охватывающие представления не только о географическом единстве, но и об общности или комплементарности экономического профиля территорий, близости их исторических судеб и культурных архетипов. Использование совокупности таких критериев позволяет интерпретировать регион как «определенную территорию, отличающуюся от других территорий по ряду признаков и обладающую некоторой целостностью, взаимосвязанностью составляющих ее элементов» [5, с.16]. Соответственно, можно предположить, что в российско-казахстанском приграничье должна идти речь о нескольких приграничных регионах. В пользу этого говорят, прежде всего, географический и экономический факторы:

протяженная граница определяет различие в экономических профилях сопредельных территорий при сохранении определенной взаимодополняемости региональных экономик на всем протяжении границы.

Несомненно, что приграничные регионы имеют свою специфику, определяемую функциональным дуализмом границы, которая сочетает в себе функции барьерности и контактности [6]. Само представление о них включает в себя такие аспекты, как пространство, сообщества и группы, а также отношения, существующие между ними, которые могут быть нарушены или заблокированы существованием границы.

Функции границы и типология российско-казахстанского приграничья. Функции границы находятся в динамике, которая определяется совокупностью политических и экономических детерминант. Некоторые исследователи образно сравнивают функционирование границы с деятельностью живого организма, который всегда находится в тех или иных связях и отношениях с другими организмами и, в свою очередь, оказывают на них влияние [7]. Это позволяет согласиться с классификацией приграничных регионов, ныне широко используемой в географии, политологии и других научных дисциплинах. Она включает в себя такие территории, как отчужденные приграничные регионы (приграничные связи отсутствуют); сосуществующие приграничные регионы (наличие некоторых экономических и культурных взаимоотношений), взаимозависимые приграничные регионы (осуществляют широкое взаимодействие в экономической, общественной и культурной сферах); интегрированные приграничные регионы (обеспечена высокая степень интеграции, свободное передвижение людей, товаров, финансовых потоков и идей) [7-8]. Вместе с тем, корректное применение терминологического аппарата требует использовать эту схему применительно не столько

ко к приграничным регионам, сколько к приграничным территориям (что, кстати, ближе к оригинальной концепции ее авторов (рис. 1.) [9-11].

Гораздо сложнее дела обстоят с определением трансграничных территорий и трансграничных регионов. На наш взгляд, если приграничные территории можно рассматривать как объективную данность, определяемую самим фактом существования границы, то трансграничные регионы – это уже результат политической воли и политического конструирования. Ключевой фактор при формировании трансграничных регионов – совместное целеполагание и стремление к сотрудничеству. В этом смысле вышеприведенная схема классификации приграничных регионов – это, скорее, модель эволюции от приграничных к трансграничным регионам, где первые две ступени относятся к категории «приграничный регион», а две последующие – к понятию «трансграничный регион».

В литературе справедливо отмечается, что представления о соответствующем регионе всегда коррелирует с его позиционированием в интеллектуальном, экономическом и геополитическом пространстве. «Появление региона связано с идейной и практической самоидентификацией определенной территориальной общности. Для формирования региона мало иметь специфику, необходимо ее позиционировать... Регионализм опирается на объективную дифференциацию природных и экономических условий, однако формируется лишь в том случае, если он «оформлен» экономическими интересами тех или иных групп» [12].

Впрочем, представляется, что акценты исключительно на экономическом факторе несколько преувеличены, хотя традиционны, просты и понятны. Не меньшую роль могут играть и другие императивы, в частности, политические и социокультурные.

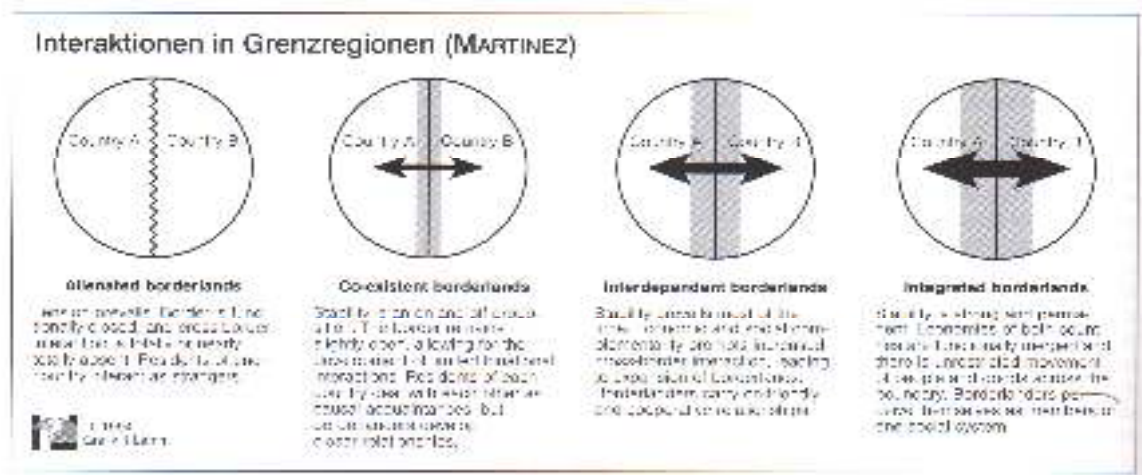


Рис. 1. Типы взаимодействия приграничных территорий

На наш взгляд, конфигурация приграничных регионов в российско-казахстанском приграничье в существенной мере вытекает не из ныне существующей административно-территориальной структуры двух стран. Большее значение имеет фактор ранее существовавшего деления когда-то единого государства, СССР, на экономические районы, в частности, на Западно-Сибирский, Уральский и Поволжский районы на территории бывшей РСФСР, и Казахстанский экономический район, охватывающий всю территорию современной Республики Казахстан. Это позволяет сформировать представление о совокупности приграничных регионов вдоль линии раздела бывших советских экономических районов с территорией Казахстана. Здесь «работает» не только экономический критерий, но и исторический фактор – специфика и время освоения соответствующих территорий – вначале, во времена Российской Империи, главным образом политическими методами и методами спонтанной колонизации, а в советский период – посредством соответствующей экономической политики и формирования народнохозяйственных профилей и пропорций. На наш взгляд, определенную роль играет и фактор региональной идентичности, которая формируется, например, ощущением исторической причастности к

таким маркерам, как Алтай и фактор Китая в Западно-Сибирском приграничье, Урал и Оренбуржье как фронтальная территория в Уральском приграничье, а также Каспий в районе Поволжья. Впрочем, предлагаемая группировка, как и всякая схема, не может не быть условной и в некотором смысле искусственной, поскольку включает в себя территории, которые имеют немало внутренних различий. Например, в Западной Сибири приграничные территории России и Казахстана, примыкающие к Алтаю, с одной стороны, и российско-казахстанское приграничье вдоль границ Омской и Тюменской областей Российской Федерации, с другой, во многом отличаются друг от друга и по совокупности географических параметров, и с точки зрения экономического профиля и маркеров региональной идентичности.

Если опираться на сложившиеся подходы в рамках политического взаимодействия двух стран, считающих себя ближайшими союзниками и партнерами, то можно предположить, что для российско-казахстанского приграничья характерны не изолированные, и даже не сосуществующие, а сотрудничающие и взаимозависимые территории, т. е. регионы, осуществляющие широкое взаимодействие в экономической, общественной и культурной сферах. Иными

словами, речь должна идти о совокупности трансграничных регионов.

Соглашение о сотрудничестве приграничных областей Республики Казахстан и Российской Федерации было подписано еще в 1995 г. В дальнейшем приграничные субъекты федерации России и области Казахстана заключили целый ряд двусторонних договоров и соглашений. С 2000-х гг. приграничному сотрудничеству между двумя странами придавалось большое политическое звучание, свидетельством чему стали регулярные форумы по приграничному сотрудничеству с участием президентов России и Казахстана, формировались программы приграничного взаимодействия. Оно стало позиционироваться как важный фактор экономической интеграции и инструмент формирования общего экономического пространства. Руководством обеих стран неоднократно подчеркивалось, что именно в приграничных регионах кристаллизуются нуждающиеся в своем решении социально-экономические, политические и социокультурные вопросы, имеющиеся в отношениях между двумя государствами, а само приграничное сотрудничество становится способом обработки их решения [14].

И все же пока не следует преувеличивать масштабы и качество достигнутой интеграции, в особенности структуру сформировавшихся в приграничном пространстве России и Казахстана сетей трансграничного сотрудничества. Именно формирование сетевой структуры различных акторов в приграничных регионах и складывание опорных узлов трансграничной сетевой структуры рассматривается в экспертном сообществе как высшая форма трансграничных взаимодействий, соответствующая текущей стадии развития процессов глобализации [15-16]. Вместе с тем, авторитетным экспертным коллективом было сделано важное заключение. «Для анализа приграничных российско-казахстанских связей, которые позволяют

охарактеризовать тот или иной приграничный регион как функциональный регион (макрорегион) проведена проверка гипотезы о наличии достаточных для этого сложившихся функциональных связей в российско-казахстанском приграничье (12 российских и 7 казахстанских регионов), исходя из проверки наличия или отсутствия феномена географической концентрации экономической деятельности. Исследование показало, что в настоящее время географическая близость этих регионов не сопровождается географической концентрацией (агломерацией) экономической активности вокруг ключевых регионов внутри макрорегиона, что особенно актуально для казахстанского приграничья» [17, с. 11].

Роль институтов в формировании трансграничных регионов. Вопрос, таким образом, заключается в том, привело ли развитие взаимодействия приграничных территорий к формированию трансграничных регионов в российско-казахстанском приграничье? Нам представляется, что масштабы и формат таких контактов позволяют говорить лишь о создании предпосылок для развития подлинно трансграничного сотрудничества и формирования трансграничных регионов. Трансграничное сотрудничество как явление представляет собой «совокупность двусторонних и многосторонних связей между органами власти, хозяйствующими субъектами, общественными организациями и населением приграничных регионов двух или нескольких стран» [8, с. 144]. Объединяя усилия государственных институтов и институтов гражданского общества, трансграничное сотрудничество становится важным фактором регионального развития, обеспечивая гармонизацию процессов глобализации и регионализации. Представляется, что логика происходящих на границе России и Казахстана событий ориентирует процесс в таком направлении. Он, однако, далеко не завершен. Российско-

казахстанское приграничье все еще остается потенциальной совокупностью трансграничных регионов.

В определенном смысле это связано с парадоксами истории. В то время как в Европе распад зоны советского влияния вызвал «эрозию» границ и резко стимулировал процессы региональной интеграции [18], на постсоветском пространстве границы, ранее являвшиеся территориально-административными, трансформировались в межгосударственные. После того, как СССР прекратил свое существование, барьерные функции границы резко усилились. Теоретическим планом консолидации предшествовала вполне естественная стадия межгосударственного «размежевания», разорвавшая или ослабившая ранее существовавшие межрегиональные связи и отношения, а в ряде случаев приведшая к разрушению механизмов и практик социально-экономического и социокультурного взаимодействия в ранее единых трансграничных регионах.

Международный опыт показывает, что важнейшими факторами, влияющими на интенсивность и глубину трансграничного сотрудничества, являются развитие соответствующих институтов, состояние инфраструктуры, в особенности количество пунктов пропуска, качество дорог и телекоммуникаций и т.п., а также государственная региональная политика. При этом межгосударственные различия в этих параметрах способны негативно повлиять на развитие трансграничных взаимодействий [19-20]. В России и Казахстане в условиях фундаментальной трансформации государства и общества систему межрегиональных взаимодействий приходится выстраивать заново и на новых институциональных основаниях. Этот процесс длится уже более четверти века и явно затянулся, в то время как в странах Центральной и Восточной Европы, где также произошли аналогичные по масштабам перемены, он начал приносить плоды уже спустя несколько лет [20-21].

Несомненно, межгосударственные и межрегиональные договоры и соглашения, форумы приграничного сотрудни-

чества, формирование Таможенного, а затем и Евразийского экономического союза усиливают и расширяют нормативные основы интеграционных процессов между Россией и Казахстаном, в т.ч. и на приграничных территориях. В ЕАЭС декларирован высокий уровень интеграции, в рамках которой должен существовать общий внутренний рынок, обеспечивающий свободу движения товаров, услуг, капиталов и трудовых ресурсов. На каких геополитических, политических и экономических основаниях строится эта региональная интеграция, и в какой мере движение в данном направлении является актуальным для обеих стран – особый вопрос, который не будет нами рассматриваться в данной статье. Однако нельзя не отметить: существует мнение, что ЕАЭС стал политической реакцией на эволюцию Европейского Союза и возникшие в этом объединении в последние годы проблемы. В условиях санкций он рискует превратиться в оплот взаимного недоверия и протекционизма [22], тем более что, как полагают эксперты Блумберг, экономическая выгода от его создания для всех участников весьма сомнительна [23].

Это не может не сказаться и на развитии отношений на постсоветских трансграничных пространствах. Очевидно, что современная политика России в сфере трансграничных взаимодействий весьма противоречива. В ней причудливо сочетаются стремление России расширить свое экономическое и политическое влияние при попытках ограничить зависимость от сопредельных территорий. Как следует из официальных деклараций, ее основным вектором является формирование общего экономического пространства с едиными нормами экономической деятельности. Это вряд ли возможно без согласования базовых институтов, развитие которых должно происходить в результате тесного сотрудничества, не только межгосударственного, но прежде всего межрегионального. По мнению многих экспертов, в нем главное место занимают гармонизированные или унифициро-

ванные институты предпринимательской деятельности [24].

Такое понимание роли институтов принципиально важно и для оценки эффективности трансграничных взаимодействий. Неслучайно, в соответствии с одним из устоявшихся определений, трансграничные регионы должны рассматриваться в единстве своих политических, нормативно-правовых, экономических, социокультурных и инфраструктурных институциональных параметров [25]. Более того, в случае с российским приграничьем повышение эффективности институтов представляется решающим фактором. Эта проблема не может артикулироваться исключительно применительно к трансграничью – она, несомненно, является общей для российской экономики в целом. Как известно, при предельном упрощении ныне популярная и широко распространенная теория пространственного развития экономики, разработанная П. Кругманом, включает в себя совокупность факторов «первой природы» (т. е. естественных, природных параметров) и факторов «второй» природы (собственно институциональных факторов), между которыми должна быть обеспечена гармония [26].

Такой подход в полной мере может быть использован и в приложении к приграничному пространству. С формальной точки зрения трансграничный институт – это инструмент трансграничных взаимодействий, согласованный с нормами международного права. Сравнительные преимущества приграничных регионов России и Казахстана в контексте экономического взаимодействия их трансграничных территорий – это наличие у них богатых запасов природных ресурсов, комплементарность экономики, в ряде случаев – развитый производственный потенциал и удобное географическое положение (по П. Кругману – факторы «первой природы»). Однако в силу сложившейся институциональной системы они остаются нереализованными. Более того, иногда возникшие на постсоветском пространстве неформальные институты, в част-

ности, сращивание бизнеса и власти, заставляют институциональные факторы работать «в негативном аспекте» [27-28]. По-прежнему институты в России – это в большей степени барьеры, чем стимулы для развития регионов [29], а многие экономисты заявляют об «институциональной ловушке», в которой на протяжении уже многих лет находится вся российская экономика.

Неразвитость институтов трансграничного взаимодействия ныне является важнейшим, а возможно, и основным препятствием, ограничивающим трансграничное сотрудничество и формирование трансграничных регионов вдоль границы России и Казахстана. В этом плане представляется крайне актуальным тщательно осмыслить институциональные практики и уроки ЕС, например, деятельность «еврорегионов» для оценки возможности их использования в регионах Евразии. Это, однако, предмет отдельного анализа.

Не менее важны и задачи инфраструктурного развития российско-казахстанского трансграничья, которое по-прежнему остается «узким местом» и межрегиональных взаимодействия, и социально-экономического развития приграничных территорий. По авторитетному мнению, с которым трудно не согласиться: «усиление внимания к проектам, направленным на интенсификацию транспортного сообщения на приграничных территориях и развитие локальных объектов дорожной и иной инфраструктуры, окажет стимулирующее воздействие на социально-экономическое развитие приграничных областей России и Казахстана» [17, с. 11].

Вместе с тем, при оценке перспектив развития трансграничных взаимодействий в российско-казахстанском приграничье следует принимать во внимание определенные ограничения принципиального характера, значение которых усиливается в условиях текущего политического вектора. Ныне в России акценты расставлены на факторах целостности государства (пусть с правовой точки зрения и являющегося

федерацией) в качестве ключевого принципа обеспечения национальной безопасности, идентичности, политического могущества и экономического благополучия. В то же время «во всех странах Центральной и Восточной Европы развитие новых форм трансграничных отношений и новой идентичности на трансграничных территориях стало значительным фактором, ослабляющим централистские тенденции, являющиеся наследием бывших коммунистических режимов» [19, с. 211]. Представляется, что усиление акцентов на регионы и региональное развитие вряд ли соответствует текущей логике политических процессов в России. Дихотомия «центр-периферия» в стране явно решается ныне в пользу Центра.

Значительным препятствием для развития приграничья является также и экономическая асимметрия, существующая, при некоторых исключениях, на приграничных территориях как на азиатской части России, так и у ее соседей. Что касается социокультурных факторов, и, в частности, фактора идентичности, то в приграничных регионах на востоке России отсутствуют какие-либо существенные признаки трансграничной идентичности, а формирование ее явно не поощряется. «Евразийский путь развития», о котором много говорят в настоящее время и в России, и Казахстане, пока вряд ли может рассматриваться как социокультурный императив, объединяющий трансграничные территории и существенно влияющий на экономические и политические процессы.

Наконец, не следует сбрасывать со счетов и вопрос ментальности. Администрации российских регионов и муниципалитетов на приграничных территориях, которые все еще действуют в весьма «туманном» законодательном и регулятивном пространстве, когда правила игры не всегда понятны и прозрачны, и, к тому же, постоянно меняются, обычно не продвигают и не поддерживают прорывные инициативы в области

трансграничных взаимодействий, если они связаны с экономическими рисками. В полной мере это относится и к Казахстану.

Некоторые выводы и заключения. Таким образом, в развитии российско-казахстанского приграничья многое будет определяться тем, произойдет ли эволюция приграничных регионов в подлинно трансграничные регионы, а приграничное сотрудничество – в сетевое и разветвленное. Лишь при этом условии фактор трансграничности может стать существенным драйвером регионального развития. Можно предположить, что количество совместных проектов в приграничье России и Казахстана постепенно будет возрастать. Вполне возможно их оформление и в виде программ развития трансграничных регионов. Но в силу особенностей формирования и функционирования по своему типу такие программы могут привести к складыванию своего рода «евразрегионов», в которых принципиальное значение будут иметь факторы политической инициативы и контроля «сверху». В любом случае ключевой останется проблема эффективных институтов трансграничного взаимодействия.

При оценке перспектив таких программ важно понимание и того обстоятельства, что большая часть инициированных властными структурами программ, если они не поддерживаются экономическими акторами и гражданским обществом, как свидетельствует международный опыт, не имеет шансов практической реализации и остается на бумаге [19, с. 209]. А для будущих конкретных проектов ключевой задачей является определение их базового вектора: способствуют ли они развитию трансграничных территорий по оптимальному сценарию, либо, напротив, консервируют исторически сложившуюся асимметрию и могут привести к возрастанию напряжения в точках соприкосновения в будущем, как это уже ранее неоднократно случалось на евроазиатском пространстве.

Список литературы

1. Современные трансформационные процессы в регионах Большого Алтая. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2014.
2. Ганзей С.С. Трансграничные геосистемы Юга Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая. – Владивосток: Дальнаука, 2004.
3. Географический энциклопедический словарь: понятия и термины. – М.: Советская Энциклопедия, 1988.
4. Водичев Е.Г. Еврорегионы и трансграничные регионы Азиатской России: о возможности переноса сложившихся подходов и практик // Приграничье Азиатской России: подходы к анализу современных проблем. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2011. –С. 9-16.
5. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. – М., Изд-во ГУ-ВШЭ, 2003.
6. Чекалина Т.Н. Развитие и пространственная дифференциация трансграничного сотрудничества в Балтийском регионе: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. – Рос. гос. ун-т им. И. Канта. – Калининград, 2007.
7. Jerabek M., Dokoupil J., Navlicek T., et. al. Ceske Pohranici. Bariera nebo Prostor Zprostredkovani? – Praha: Academia, 2004.
8. Давыдов Д., Чекалина Т. Калининград: плюсы и минусы эксклавности // Космополис. – № 2 (21). – Лето 2008. – С. 141-146.
9. Martinez O.J. The Dynamics of Border Interaction. New Approach to Border Analysis // World Boundaries. Vol. 1. Global Boundaries. – L.-N.Y.: Routledge, 1994. – P. 1-5.
10. Waack C. Stadträume und Staatsgrenzen: geteilte Grenzstädte des mittleren und östlichen Europas im Kontext lokaler Alltagswelten, nationaler Politik und supranationaler Anforderungen. Beiträge zur regionalen Geographie, 51. – Leipzig, Institut für Länderkunde, 2000.
11. Strykiewicz T. Forms and dynamics of integration processes in the Polish-German border area. Paper presented to the International conference «Processes of Integration and Disintegration in the European Union and Eurasian Space: The Geographic Context», 21-23 June 2015, Adam Mickiewicz University in Poznan, Poland.
12. Межевич Н.М. Балтийский регион: конструктивистская специфика и политические итоги // Мегарегион – сетевая конфедерация [Электронный ресурс]. – URL: http://net-conf.org/articles_text_6.htm.
13. Vodichev E., Lamin V. Russian Identity and Siberian Self-Identification: Historical Traditions in a Global World // Russia and Globalization. Identity, Security and Society in the Era of Change. – Washington D.C., Woodrow Wilson Center Press, and Baltimore, Johns Hopkins University Press, 2008. – P. 134-135.
14. [Электронный ресурс]. – URL: www.kremlin.ru/text/2006/10/11.
15. Шинковский М.Ю. Трансграничное сотрудничество как рычаг развития российского Дальнего Востока // Политические исследования (Полис). – 2004. – № 5. – С. 62-70.
16. Шинковский М.Ю. Трансграничное сотрудничество как рычаг развития российского Дальнего Востока [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ifpc.ru/index.php?cat=159>.
17. Таможенный союз и приграничное сотрудничество Казахстана и России. Евразийский банк развития. Центр интеграционных исследований. – СПб, 2012.
18. Rykiel Z. European boundaries in spatial research // European Spatial Research and Policy. – 1995. – № 2/1. – P. 35-47.
19. Strykiewicz T. The Changing role of border zones in the transforming economies of East-Central Europe: The case of Poland // GeoJournal. – 1998. – 44.3. – P. 203-213.
20. Kaczmarek T., Strykiewicz T. Transborder co-operation and development in the conditions of great socioeconomic disparities: the case of the Polish-German border region // Polish economy in transition – spatial perspectives. – Poznan: Bogucki Wydawnictwo Naukowe, 2000. – P. 49-72.
21. Kaczmarek T., Strykiewicz T. Grenzüberschreitende Entwicklung und Kooperation im deutsch-polnischen Grenzraum aus polnischer Sicht // Europa Regional – 2006. – № 2. – S. 61-70.
22. Коктыш К. Между партнерством и поглощением // Известия, 31 января 2016 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://izvestia.ru/news/602900>.

23. Putin's Eurasian Union Looks Like a Bad Deal, Even for Russia [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2014-05-29/putin-s-urasian-union-looks-like-a-bad-deal-even-for-russia>.
24. Вардомский Л.Б. Российское экономическое пространство: вопросы единства в условиях глобализации. Научный доклад. – М.: Институт экономики РАН, 2006 [Электронный ресурс]. – URL: imperi-urasia.ru/baner/varidl.doc.
25. Бакланов П.Я., Шинковский М.Ю. Трансграничный регион: понятие, сущность, форма. – Владивосток: Дальнаука, 2010.
26. Krugman P.R. Geography and Trade. – Cambridge: MA, MIT Press, 1991.
27. Водичев Е.Г., Глазырина И.П., Красноярова Б.А. Трансграничные территории: подходы к анализу процессов межрегионального взаимодействия // Природоохранное сотрудничество в трансграничных экологических регионах: Россия-Китай-Монголия. Вып. 3. Ч. 1. – Чита, 2012. – С. 83-87.
28. Vodichev E, Glazyrina I, Krasnoyarova B. Transboundary Cooperation on the East of Russia: Regional Development and Institutional Bottlenecks // Journal of Geography, Politics and Society. – 2016. – V. 6. – Is. 2. – P. 13-20.
29. Зубаревич Н.В. Региональное развитие и институты: российская специфика // Региональные исследования. – 2010. – № 2 (28). – С. 3-14.

References

1. Sovremennye transformatsionnye protsessy v regionakh Bolshogo Altaya. – Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2014.
2. Ganzey S.S. Transgranichnye geosistemy Yuga Dalnego Vostoka Rossii i Severo-Vostoka Kitaya. – Vladivostok: Dalnauka, 2004.
3. Geografichesky entsiklopedichesky slovar: ponyatiya i terminy. – M.: Sovetskaya Entsiklopediya, 1988.
4. Vodichev Ye.G. Yevroregiony i transgranichnye regiony Aziatskoy Rossii: o vozmozhnosti perenosa slozhivshikhsya podkhodov i praktik // Prigranichnye Aziatskoy Rossii: podkhody k analizu sovremennykh problem. – Novosibirsk: Izd-vo NGU, 2011. – S. 9-16.
5. Granberg A.G. Osnovy regionalnoy ekonomiki. – M., 2003.
6. Chekalina T.N. Razvitiye i prostranstvennaya differentsiatsiya transgranichnogo sotrudnichestva v Baltyskom regione: avtoref. dis. ... kand. geogr. nauk. – Ros. gos. un-t im. I. Kanta. – Kaliningrad, 2007.
7. Jerabek M., Dokoupil J., Havlicek T., et. al. Ceske Pohranici. Bariera nebo Prostor Zprostredkovani? – Praha: Academia, 2004.
8. Davydov D., Chekalina T. Kaliningrad: plyusy i minusy eksklavnosti // Kosmopolis. – № 2 (21). – Leto 2008. – S. 141-146.
9. Martinez O.J. The Dynamics of Border Interaction. New Approach to Border Analysis // World Boundaries. Vol. 1. Global Boundaries. – L.-N.Y.: Routledge, 1994. – P. 1-5.
10. Waack C. Stadträume und Staatsgrenzen: geteilte Grenzstädte des mittleren und östlichen Europas im Kontext lokaler Alltagswelten, nationaler Politik und supranationaler Anforderungen. Beiträge zur regionalen Geographie, 51. – Leipzig, Institut für Länderkunde, 2000.
11. Stryjakiewicz T. Forms and dynamics of integration processes in the Polish-German border area. Paper presented to the International conference «Processes of Integration and Disintegration in the European Union and Eurasian Space: The Geographic Context», 21-23 June 2015, Adam Mickiewicz University in Poznan, Poland.
12. Mezhevich N.M. Baltysky region: konstruktivistiskaya spetsifika i politicheskiye itogi // Megaregion – setevaya konfederatsiya [Elektronny resurs]. – URL: http://net-conf.org/articles_text_6.htm.
13. Vodichev E., Lamin V. Russian Identity and Siberian Self-Identification: Historical Traditions in a Global World // Russia and Globalization. Identity, Security and Society in the Era of Change. – Washington D.C., Woodrow Wilson Center Press, and Baltimore, Johns Hopkins University Press, 2008. – P. 134-135.
14. [Elektronny resurs]. – URL: www.kremlin.ru/text/2006/10/11.
15. Shinkovsky M.Yu. Transgranichnoye sotrudnichestvo kak ryuchag razvitiya rossyskogo Dalnego Vostoka // Politicheskiye issledovaniya (Polis). – 2004. – № 5. – S. 62-70.

16. Shinkovsky M.Yu. Transgranichnoye sotrudnichestvo kak rychnag razvitiya rossyskogo Dalnego Vostoka [Elektronny resurs]. – URL: <http://www.ifpc.ru/index.php?cat=159>.
17. Tamozhenny soyuz i prigranichnoye sotrudnichestvo Kazakhstana i Rossii. Yevrazyskiy bank razvitiya. Tsentr integratsionnykh issledovaniy. – SPb, 2012.
18. Rykiel Z. European boundaries in spatial research // European Spatial Research and Policy. – 1995. – № 2/1. – P. 35-47.
19. Strykiewicz T. The Changing role of border zones in the transforming economies of East-Central Europe: The case of Poland // GeoJournal. – 1998. – 44.3. – P. 203-213.
20. Kaczmarek T., Strykiewicz T. Transborder co-operation and development in the conditions of great socioeconomic disparities: the case of the Polish-German border region // Polish economy in transition – spatial perspectives. – Poznan: Bogucki Wydawnictwo Naukowe, 2000. – P. 49-72.
21. Kaczmarek T., Strykiewicz T Grenzüberschreitende Entwicklung und Kooperation im deutsch-polnischen Grenzraum aus polnischer Sicht // Europa Regional – 2006. – № 2. – S. 61-70.
22. Koktysh K. Mezhdru partnerstvom i pogloshcheniyem // Izvestiya, 31 yanvarya 2016 g. [Elektronny resurs]. – URL: <http://izvestia.ru/news/602900>.
23. Putin's Eurasian Union Looks Like a Bad Deal, Even for Russia [Elektronny resurs]. – URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2014-05-29/putin-s-eurasian-union-looks-like-a-bad-deal-even-for-russia>.
24. Vardomsky L.B. Rossyskoye ekonomicheskoye prostranstvo: voprosy edinstva v usloviyakh globalizatsii. Nauchny doklad. – M.: Institut ekonomiki RAN, 2006 [Elektronny resurs]. – URL: imepi-eurasia.ru/baner/ward1.doc.
25. Baklanov P.Ya, Shinkovsky M.Yu. Transgranichny region: ponyatiye, sushchnost, forma. – Vladivostok: Dalnauka, 2010.
26. Krugman P.R. Geography and Trade. – Cambridge: MA, MIT Press, 1991.
27. Vodichev Ye.G., Glazyrina I.P., Krasnoyarova B.A. Transgranichnye territorii: podkhody k analizu protsessov mezhregionalnogo vzaimodeystviya // Prirodookhrannoye sotrudnichestvo v transgranichnykh ekologicheskikh regionakh: Rossiya-Kitay-Mongoliya. Vyp. 3. Ch. 1. – Chita, 2012. – S. 83-87.
28. Vodichev E, Glazyrina I, Krasnoyarova B. Transboundary Cooperation on the East of Russia: Regional Development and Institutional Bottlenecks // Journal of Geography, Politics and Society. – 2016. – V. 6. – Is. 2. – P. 13-20.
29. Zubarevich N.V. Regionalnoye razvitiye i instituty: rossyskaya spetsifika // Regionalnye issledovaniya. – 2010. – № 2 (28). – C. 3-14.

RUSSIA-KAZAKHSTAN BORDERLAND: POSSIBILITY OF INSTITUTIONAL TRANSFORMATIONS AND PERSPECTIVES FOR FORMATION OF TRANSBOUNDARY REGIONS

E.G. Vodichev

*Trofimuk Institute of Petroleum Geology and Geophysics SB RAS, Novosibirsk
Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, E-mail: vodicheveg@ipgg.sbras.ru
Tomsk State University, Tomsk*

The paper touches upon some methods and approaches to the complex research of borderlands and trans-boundary territories. It contains assumptions and suppositions about structure of Russia-Kazakhstan borderland, and underlines key factors and conditions of transformation of the borderland into a combination of trans-boundary regions. Special attention is devoted to the issue of transboundary institutes as drivers of regional development.

Key words: Russia-Kazakhstan borderland, transboundary territories, transboundary regions, transboundary institutes.

Received January 29, 2018